

Н. Г. ПРОТАСОВА
 Кемеровский государственный университет
 культуры и искусств

УДК 78.01

ВАЛЕНТИН СИЛЬВЕСТРОВ И «ЧИНАРИ»: ПАРАЛЛЕЛИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В 20–30-е годы XX столетия в Ленинграде существовала специфическая «творческая общность» – «Чинари», объединившая следующие имена: Я. Друскин, Л. Липавский, А. Введенский, Д. Хармс (настоящая фамилия – Ювачёв) и Н. Олейников. Эти философы и литераторы, а также Н. Заболоцкий, К. Вагинов, И. Бехтерев, Ю. Владимиров известны как группа ОБЭРИУ (Объединение реального искусства). Дружеское общение близких по духу трёх молодых людей – Друскина, Липавского, Введенского – переросло в сообщество, где темой обсуждения становились любые вопросы. Название ему дал А. Введенский, при этом значение термина «чинарь» трактуется неоднозначно. Исследователи рассматривают следующие толкования: по Друскину, «чин» – духовный ранг; Липавский истолковывает слово как «власть», «собрание»; упоминается и значение «творить» [2, с. 31]. В целом, некое духовное братство подразумевало через (не-)согласие собеседников поиск «некоторой» истины.

О близости философии чинарей и мотивов творчества Валентина Сильвестрова свидетельствует ряд публикаций¹, в которых прослеживается появление темы «вестника» (термин Липавского), мгновения в творчестве композитора. Многолетняя дружба с Яковом Друскиным² наложила отпечаток на мировоззрение Сильвестрова – композитора и человека; он был знаком и с работами других чинарей, рассуждения которых неоднократно поверялись ими друг другу. В частности, тема вестника была обнародована именно Друскиным³ и далее продолжена Хармсом.

Мотив вестника – один из самых значимых в философии чинарей – очерчен в исследовательских работах. Вестники – «существа из ... воображаемого мира» (Друскин); этот мир существует внутри личности при её раздвоении или «при аннигиляции двух соседних миров» в ней [цит. по: 2, с. 61]. Они смертны, «... ничего не помнят и всё знают. Всякое знание они открывают сейчас как новое и сейчас же забывают. Вестники живут только сейчас и не знают продолжения реальности – у них ведь нет памяти, память, воспоминания – ложь. Вестники не судят. Им не надо понимать слов Христа: “Не судите, да не судимы будете”, потому что “не судить” входит в их природу»⁴ [там же, с. 62].

Вестники не только описаны, но и изображены Друскиным⁵: подобие человека и не человек, рядом – животное или его графическое очертание, но главное! – линии парения или «дуновения» ветра (а, может быть, света?), которые доносят необходимое творческому человеку вдохновение⁶.

Собственные труды, стихотворные части в своём тексте, а также состояние души во время написания работ Друскин считал и называл «вещью». «Вещью я называю что-либо, то есть предмет, число, состояние, движение, или что-либо другое» [цит. по: 2, с. 445]. Образуются «вещи» из «совершеннейшего предмета» – пустоты:

...Истинное блаженство
 Истинное совершенство
 Совершеннейшее совершенство грань двух ничто.
 Пустота – содержание
 Возможность произрастания...⁷

Сильвестров также определяет рождение сочинений из «ничто»: «Про свои композиции я помню, что не знаю, как они начинаются ... начало словно скрыто от сознания ... ты не в состоянии осознать, когда “ничто” делается “чем-то”» [цит. по: 1, с. 100]. Оно «... словно руководит тобой, направляет твой путь. Творческий процесс как бы состоит из противоборства двух противников – сделанности и некоторого недоумения, неопределённости ... Когда ты пробил броню “сделанности” и если это удалось ... сделанное тобою становится будто живым существом со своей интонацией. *Появляется сигнал, вестник того, что что-то будет* ... [курсив мой. – Н. П.]», – говорит композитор [там же, с. 95].

Вестник – центральный образ творчества Сильвестрова. Исследователи находят его в сочинениях «Реквием для Ларисы», «Вестник–1996»⁸. Название сочинения «Вестник» ориентирует на «Вестников» Друскина и Липавского с развитием этого мотива в работах Хармса. Одно из красивейших произведений композитора – фортепианный «Вестник» начинается будто завершающими созвучиями, характерными для окончания музыкального сочинения⁹. Далее, «из ничто», как бы издали, появляется (при полностью закрытой крышке инструмента) нежная, хрупкая мелодия в духе Моцарта: «Пьеса должна

играться легчайшими прикосновениями, очень лёгкими руками!» – указывает композитор в партитуре сочинения.

Узнаваемые ходы (в духе какого-либо композитора), обертоны, гармонические последовательности Сильвестров причисляет к «слуховым вестникам», и у каждого композитора они свои – «вестники особого мира», не поддающиеся узнаванию человеком из другого, «своего» мира. У Друскина каждый человек «видит мир по-своему», но этот мир близок, а иногда понятен (если существует любовь) миру другого человека за счёт языка: утилитарного (предназначен для физической, социальной и, отчасти, душевной необходимости) и не утилитарного («духовные нужды» – язык искусств, философский, религиозный, ритуальный языки) (см.: [2, с. 47–48]).

Творчество Сильвестрова отмечено образной составляющей «вестников» – образами родных ему людей, друзей, коллег «по цеху». Возможно, поэтому почти все опусы композитора (за некоторым исключением) – это сочинения-посвящения, адресованные дорогим ему людям: композитору и учителю Б. Лятошинскому, дирижёру И. Блажкову, пианисту А. Любимову, поэту Г. Айги и другим. Появление многих сочинений связано с супругой и музой композитора Ларисой Яковлевной Бондаренко¹⁰, она – вестник его произведений: «...когда я сейчас смотрю на свои компакт-диски, на которых записана вся моя музыка, то думаю, что это же Лариса, во всей этой музыке присутствует её облик» [цит. по: 1, с. 85]. «Белеет парус одинокий...» из цикла «Тихие песни» (1974–1977), Первая симфония (1963–1974, 2-я ред.), Кантата на стихи Ф. Тютчева и А. Блока (1973), «Вестник–1996» (1996–1997), «Эпитафия» (1999), «Реквием для Ларисы» (1997–1999) – лишь некоторые из сочинений, посвящённых Ларисе Яковлевне.

На протяжении своей жизни человек встречает множество людей, которые либо оказывают влияние на его жизнь (положительное или отрицательное), либо проходят мимо. Так или иначе, вольно или не преднамеренно («неслучайная случайность», по Друскину) они оставляют след, оказывая воздействие на мировоззрение человека. По словам Сильвестрова, «...сущность часто может таиться в пустяках ... незначительного нет. В нём тоже ощущается знак великого» [там же, с. 124]. «В жизни есть события, которые кажутся вначале случайными, а потом, обдумывая их в контексте других событий, обнаруживаешь в них целесообразность, даже преднамеренность, но трансцендентную, то есть не зависящую от воли людей ...», – пишет в своём дневнике Я. Друскин [цит. по: 2, с. 816]. Длющийся или краткий миг столкновения между «людьми-атомами» рождает вдохновение. Оно – «мгновенная вспышка, озарение, хотя этому мог предшествовать

длительный труд», – утверждает Сильвестров [цит. по: 1, с. 203]. Далее композитор объясняет: «Общество как бы дробится на “мгновения людей”, вместо человечества возникают “мгновения людей” по имени такой-то, такой-то ... И чем больше в них свойств мгновения, тем больше они способны объединяться» [там же, с. 205]. Мотивом мгновений насыщен творческий период композитора в первом десятилетии XX века. «Мгновения тишины и печали» (2002), фортепианный цикл «Мгновения» (2003), «Мгновения поэзии и музыки» (2003), «Мгновения Шопена» (2003), «Мгновения Моцарта» (2003–2006), «Мелодии мгновений» (2004) – перечисленные сочинения дополняют многие небольшие «вещи» (Друскин) с темой мига, момента, ностальгии.

Первое десятилетие XXI века в творчестве Сильвестрова отмечено средоточием композитора на небольших или относительно небольших сочинениях: вальсы, багatelи, элегии, ноктюрны дополнили его творческий багаж. Высшая чистота и значительность таится в малом: «Когда апокалиптическое содержание носит как бы частный характер, передаётся скромно голосом *sotto voce* и фортепиано, тогда оно воздействует сильнее», – говорит Сильвестров [там же, с. 119]. Мысль близка Друскину в его рассуждениях о Лейбнице и подтверждается в его творчестве отказом от больших, «длинных» литературных текстов: «...не надо писать больших вещей, это предрассудок ... настоящие же мысли, гениальные, в его маленьких вещах» [цит. по: 2, с. 211].

Ценность малого, кажущегося незначительным, бесспорна. Одним из распространённых терминов в работах чинарей стал термин «подарок» – «это маленькое чудо» (Липавский), а именно, по словам Друскина, жизнь, данная Богом человеку – подарок, «красивый и бесполезный» [цит. по: 2, с. 243, 820]. Сильвестров сравнивает подарок с неуловимым, необъяснимым очарованием в музыкальном сочинении: «Классика всё время ставит проблему подарка» [цит. по: 1, с. 149]. По его словам в XVIII–XIX веках музыка часто несла печать «подарка»; в XX веке композитор, «похоже, радуется тому, что написал толстую, хорошо организованную партитуру, продемонстрировал те или иные свои технические умения» [там же, с. 148]. Действительно, небольшие пьесы композитора наполнены необычайным очарованием, музыка которых обладает созидательным спокойствием и облагораживающим воздействием на человека. Созданные произведения Сильвестров сравнивает с эпитафией – «свидетельства прожитой жизни» [там же, с. 131]. «Культура ведь – прежде всего память. А эпитафия может ... продолжить жизнь ... вдохновить кого-то» [там же].

Размышления Сильвестрова привлекают своей простой, ясной и одновременно необычной логикой;

многие его высказывания дополняют, а иногда и объясняют некоторые положения чинарей – не намеренно, а органично, безусловно. Его с полным правом можно назвать «естественным мыслителем» – чело-

веком с независимым мировоззрением, и «такую философию (и философов) чинари ценили более всего, как свободных от традиционной (=ложной) науки» [2, с. 768].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левая Т., Дьячкова Е. Образ «вестника» в творчестве Сильвестрова и Д. Хармса // Музыка в пространстве культуры. – Киев, 2004; Левая Т. Моцарт и Сильвестров: мотив вестничества // Моцарт в России. – Нижний Новгород, 2007; Фрумкис Т. Дух рискованной свободы. К портрету Валентина Сильвестрова // Музыкальная академия. – 2008. – № 1.

² Композитор посвятил Друскину Кантату на стихи Т. Шевченко для большого хора а саррелла и тенора (баритона) соло (1977), романс «О, вещая душа моя ...» (на ст. Ф. Тютчева) из цикла «Ступени» (1980–1982, 1997).

³ Своё сочинение «Вестники и их разговоры» Друскин читал в доме у Липавских (см.: [2, с. 62]).

⁴ См. «Разговоры вестников» Друскина: [2].

⁵ См.: [3].

⁶ Антитеза вестникам у Друскина – состояние *ignavia* – упадок духа, отсутствие вдохновения («Как меня покинули вестники» [2]) также им изображено (см.: [3]).

⁷ Цит. по: [2, с. 444].

⁸ См. указ. выше соч. Т. Левоу.

⁹ Такой приём характерен для многих его сочинений: «Старинная музыка» (III, IV раздел), «Китч-музыка» (пьеса № 1), «Устная музыка» (пьеса № 1), «Ноктюрн», «Intermezzo», «Два диалога с послесловием» («Свадебный вальс») и др.

¹⁰ Завершила земной путь в августе 1996 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валентин Сильвестров. Музыка – это пение мира о самом себе... Сокровенны разговоры и взгляды со стороны: беседы, статьи, письма / сост. М. Нестьева. – Киев, 2004.

2. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и ис-

следованиях: в 2 т. / сост. В. Н. Сажин. – М.: Ладомир, 2000. – Т. 1.

3. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 т. / сост. В. Н. Сажин. М.: Ладомир, 2000. – Т. 2.

Протасова Наталья Григорьевна

доцент кафедры

оркестрового инструментального исполнительства

Кемеровского государственного университета

культуры и искусств

